

К.В. Ворожихина

«ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ» И СВОБОДА ОТ РАЗУМА. О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «АФИНЫ И ИЕРУСАЛИМ»

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Статья посвящена одному из ключевых произведений экзистенциального мыслителя Льва Шестова «Афины и Иерусалим». Анализ этой работы дает возможность выявить и рассмотреть особенности философского мировоззрения Шестова, среди которых автор выделяет использование бинарных оппозиций, самоаналитичность, непрямую форму изложения мыслей, отказ от оригинальности, религиозность, оптимизм, гуманизм и др. Тексты философа также обладают следующими специфическими особенностями: кажущаяся простота, отсутствие нагруженности философскими категориями, афористичность и ироничность стиля изложения, своеобразная «заключительность» языка (неоднократное повторение одних и тех же фраз и словосочетаний), асистемность, неточность цитирования и др. Кроме того, в статье рассматриваются основополагающие идеи Шестова, такие как «критика разума», противоположность разума и жизни, рационального мышления и свободы, умозрения и веры, а также его философский метод «странствование по душам», затрагивается вопрос о характере религиозности философа, исследуется вопрос об отношении мыслителя к Иисусу Христу и Библии, анализируются шестовская интерпретация библейского сюжета о первородном грехе, понимание философом образов Авраама и Иова, а также его представление о Боге и человеке.

Ключевые слова: вера и разум, Лев Шестов, эмиграция, экзистенциальная философия, Иов, Авраам, первородный грех, религиозная философия, беспочвенность

«Афины и Иерусалим» – одна из ключевых работ русского экзистенциального мыслителя Льва Шестова, в основе которой лежит противопоставление разума и веры, отождествляемой философом с безграничной свободой. Книга является образцом философского творчества Шестова, на примере которой можно выявить и проанализировать черты философского мышления Шестова и особенности функционирования его текстов.

Работа «Афины и Иерусалим» является своеобразной «критикой разума»; Шестов пишет: «Задача настоящей книги испытать притязание человеческого разума или умозрительной философии на истину»¹. Первая часть книги – «Скованный Парменид» – содержит собственно критику разума: Шестов рассуждает об ограниченности и несвободе мышления, о давле-

¹ Шестов Л. Афины и Иерусалим. М., 2007. С. 23.

нии «вечных истин» и о «сотворенных» истинах; вторая часть – этика, или критика практического разума, в ней содержатся размышления о том, что разум есть следствие греха, и он противоположен вере; третья часть – рассуждение о невозможности примирить «библейскую, откровенную истину с истиной эллинской»², т. е. о противоположности Афин и Иерусалима; четвертая часть посвящена вере, «второму измерению мышления», как называет ее Шестов. Первоначально работа была опубликована на французском и немецком языках (1938), на русском она появилась только в 1951 г., уже после смерти автора³.

Для философского стиля Шестова характерно повсеместное использование бинарных оппозиций (это видно уже из названия книги), среди которых: вера и разум, умозрение и откровение, дерзновение и покорность, оглядка и борьба, Афины и Иерусалим. Афины у Шестова символизируют негативную противоположность откровенного знания: господство рациональных истин, отдаляющих человека от истоков жизни – древа жизни. Ученые и философы Афин вкушают плоды с древа познания, содержащие в себе яд – смерть, несвободу. Иерусалим – образ ничем не ограниченной райской свободы, когда человек находился в непосредственных отношениях с Богом, когда все было «добро зело» и не существовало ни страдания, ни рабства, ни смерти.

Другая особенность философствования Шестова была подмечена Н.А. Бердяевым, его близким другом. Шестов, писал он, «философствовал всем своим существом», для него философия «была не академической специальностью, а делом жизни и смерти»⁴. Его философия – это самообнажение, самоанализ; в ее основе – личное переживание, настоящее искание. Личная драма заставила его отказаться от догматической, рациональной философии и встать на путь адогматизма и «беспочвенности».

Этот перелом, когда, как пишет Шестов в своем дневнике, «распалась связь времен», произошел в 1895 г. Что именно произошло – неизвестно. Дочь мыслителя Н. Баранова-Шестова предполагает, что, возможно, занятие нелюбимым делом – работа на предприятии отца – могло спровоцировать подобные последствия. По другой версии, Шестов хотел жениться на девушке, которая, увлеченная богоискательством, не могла ответить со всей полнотой на его чувства, она считала свою природу «монастырской», «лунной», не терпящей брака и семьи. Она рассматривала свои отношения с Шестовым лишь как духовный союз.

В 1895 г. Шестов оставляет Киев, начинает скитаться по Европе, где всецело посвящает себя литературе и философии, и приступает к работе над первой крупной статьей «Шекспир и его критик Брандес», которая впервые опубликована под псевдонимом «Шестов». В семье Шварцманов скептически относились к занятиям сына философией. Противостояние отцу – один из экзистенциальных истоков творчества Шестова, и в этом контексте интересно объяснение происхождения псевдонима «Шестов», которое дает один его друзей в своих воспоминаниях. Он приводит слова Шестова: «Представьте себе, что я выдумал это, когда еще был в гимназии. Как все тогда, я ненавижу дел “торгашество” (отец, знаете, был крупный торговец – торгош). Если ста-

² Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 24.

³ Эта книга, как и большинство работ Шестова, была написана за границей, поскольку на родине, в Киеве, до эмиграции ему приходилось работать на семейном предприятии «Товариществе мануфактурных складов Исаака Шварцмана», отца философа, и посвящать этому делу все свое время.

⁴ Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н.А. Соб. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 407.

ну писателем, а я непременно хотел прославиться как писатель, я отделаюсь, решил я, от отцовской фамилии и оставлю в своем псевдониме одну лишь начальную букву “Ш”. От отцовского же рода занятий отрублю голову – “торг”, и останется одно свободное “шество”, сродни шествию; шествовать, к тому же, в общем-то в обратном от отцовского направлении. И получите что? Шестов, если переставите две последние буквы!»⁵

Еще одна черта философской стратегии Шестова – скрытность: он практически никогда не говорит о себе или от себя напрямую, но скрывается под масками других мыслителей, близких ему по духу, будь то Достоевский, Ницше, ап. Павел, Авраам, Иов или Кьеркегор. Работы Шестова сотканы из бесчисленного множества фрагментов-цитат, выхваченных из самых разнообразных литературных и философских источников, которые перекликаются и «играют» друг с другом: это библейские изречения, высказывания философов, литературные отрывки. Шестов неаккуратен в цитировании: он деформирует и искажает цитаты, часто воспроизводит по памяти, передавая их смысл приблизительно и неточно. Такое цитирование оказывается неявным способом изложения мыслей самого Шестова; цитаты «вкладываются» в уста мыслителей-двойников, которым Шестов приписывает собственные идеи. Это то, что Бердяев называл «шестовизацией» взглядов мыслителей, к которым обращается Шестов.

Метод, который использует Шестов при анализе текстов – «странствование по душам» мыслителей, близких философу, – прежде всего, тех, которые пережили безнадежность, отчаяние, безумие, даже смерть, и этот опыт лег в основу их «переоценки ценностей», «перерождения убеждений». Шестов видел свою задачу в восстановлении траектории внутренней жизни исследуемого философа, прояснении того, как преломлялся пережитый мыслителем опыт в его произведениях. Таким образом, прикрываясь масками своих философских двойников, Шестов выражает и исследует, главным образом, свои собственные мысли, идеи, самого себя; тем самым его произведения представляют собой не что иное, как непрерывный самоанализ, и в этой его работе над собой – предвосхищение психоанализа. Как считает Фаня Исааковна Ловцкая (сестра мыслителя), специализировавшаяся на изучении психоанализа, Лев Шестов – «один из самых выдающихся предшественников Фрейда»⁶. Тексты Шестова оказываются «духовной автобиографией», непрямой исповедью, в которой он познает *другого* – через себя, и *себя* – через другого.

Когда Шестов анализирует тот или иной текст, он пытается ухватить и передать то «я», что живет за словами. Шестов «борется с очевидностями» восприятия и интерпретации идей мыслителей; по его мнению, в произведении можно выделить два голоса: рациональный, приводящий доводы и аргументы, этот голос говорит то, что хочет сказать автор; второй – эмоциональный, срывающийся на крик, который раскрывает истину пережитого, экзистенциальную истину, которую сам автор не знает о себе. Шестов указывает на внутреннюю борьбу личности, ее двойственность и расколотость, проявляющиеся в двухголосии текста и возникающие из-за несоответствия между человеком и его убеждениями, между поступками и принципами. Шестов ищет глубинные мотивы творчества, обращает внимание на символы-знаки,

⁵ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 128. Существует и другое мнение о происхождении псевдонима Льва Исааковича Шварцмана. Алексей Ремизов пишет, что по одной из версий, псевдоним был придуман З.Н. Гиппиус, по другой – имя было взято из рассказа Глеба Успенского «Старьевщик»: хозяин московской харчевни – Кузьма Шестов (Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма. СПб., 2011. С. 220).

⁶ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). С. 244.

которые могут раскрыть душевные тайны его героев. При анализе работ того или иного мыслителя Шестову интересны не идеи, а «книга жизни» – он ищет в произведениях своих героев отражение опыта пережитого. Шестов не изучал философии в университете, и это, по его мнению, позволило ему сохранить свободу мышления. Читая работы мыслителей, он обращается к тем текстам и цитатам, которые другие не принимают во внимание.

Интересно, что Шестов не считал свои идеи исключительными: что-то, признавался он, позаимствовано им у Шекспира, что-то у Ницше и т. д. Но вопрос об оригинальности не был существенным для него. Философ полагал, что существуют слова, которые должны быть повторены и сказаны вновь. А.М. Лазарев пишет Шестову: «Когда Вы говорите то же, что другие, то *будто* знакомые мысли приобретают какую-то новую жизнь, значение»⁷.

Говоря о Шестове, как правило, отмечают, что философ постоянно возвращается к одним и тем же темам – богоискательства и разумоборчества. Шестов «принадлежит к числу однодумов»⁸, говорит о нем С.Н. Булгаков; его уму свойственно повторение, «вечное возвращение», а тексты монотонны и однообразны. Порой даже кажется, что для того чтобы познакомиться с философией Шестова, достаточно прочесть всего одну его работу.

Языку Шестова присуща закликательность и афористичность. Из работы в работу, из статьи в статью он, как мантры, повторяет одни и те же фразы, зачастую ему не принадлежащие. Так, Шестов использует идею средневекового схоласта Петра Дамиани («Бог может сделать бывшее небывшим»), точно и неточно цитирует послания апостола Павла («Все, что не от веры – есть грех»; «Авраам пошел не зная, куда идет» (Евр. 11:8); «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3:19)) и Евангелие («Если вы будете иметь веру с горчичное зерно... ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20), «Да будет тебе по вере твоей»). Он обращается к высказываниям Лютера («Спасение обретается только верою»), использует фразы Паскаля («Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова – а не Бог философов»; «Иисус будет в смертных муках до конца мира, – не должно спать в это время»), Спинозы («Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать») и др. Все они постоянно встречаются в текстах философа. Афоризмы Шестова имеют принципиально незавершенный характер, они представляют собой не конечный вывод, но отражение мысли в стадии поиска и вопрошания. Философ демонстрирует нам усилие мыслительной работы, вовлекает в нее, делая своими соучастниками.

Шестов никогда стремился никого обратить в свою веру, он не искал учеников и последователей. Его философия стоит особняком, не вполне вписываясь в контекст русской философской культуры первых десятилетий XX века. В России современники, ввиду крайнего индивидуализма Шестова, ироничности и афористичности его философии, рассматривали автора «Апофеоза беспочвенности» как «слишком западного» мыслителя. Несмотря на это до эмиграции вокруг него сложился круг «шестовцев», в который входили актриса МХАТа Н.С. Бутова, философ А.М. Лазарев, писатель и литературный критик Е.Г. Лундберг, философ, юрист, публицист и литературный критик С.В. Лурье, поэтесса и переводчица В.Г. Малахиева-Мирович.

Философия Льва Шестова призывала к свободному философскому поиску, отказу от авторитетов и догм и, выражала настроение тех, кто не чувствовал себя скованным государственными границами, не относил себя к

⁷ Архив Льва Шестова библиотеки Сорбонны, MS2117/176.

⁸ Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Современ. зап. 1939. № LXXVIII. С. 308.

какой-либо религиозной традиции, не ощущал своих национальных корней. Как представляется, на Западе экзистенциальные идеи Шестова нашли значительно больший отклик, нежели на родине. Шестов внес существенный вклад в создание интеллектуальной атмосферы во Франции и впоследствии способствовал возвышению философии, обращаясь к проблемам человеческого существования (экзистенции). Так, Альбер Камю в работе «Миф о Сизифе: эссе об абсурде»⁹ уделил значительное внимание экзистенциальной философии Шестова. Определенное влияние идей русского философа испытал Г. Марсель, но отошел от них, т. к. со временем пришел к выводу, что Шестов, непрестанно вопрошая, стучался туда, куда нет доступа человеческому разуму. Среди парижских последователей Шестова можно выделить музыкального и литературного критика, переводчика и писателя Бориса Шлёцера, мыслителя и писателя Жоржа Батая, для которого Шестов был первым философским наставником, поэта-философа Бенжамена Фондана; эссеист Рахиль Беспалова стремилась стать ученицей Шестова; о влиянии его философии на свое творчество говорили Ив Бонфуа¹⁰, «парижские румыны» эссеист Эмиль Чоран и драматург Эжен Ионеско и др.

Яркая и фантастичная философия Льва Шестова оказала определенное воздействие на писателя и поэта Дэвида Герберта Лоуренса (автора нашумевшего романа «Любовник леди Чаттерлей»), который написал предисловие к английскому переводу «Апофеоза беспочвенности», писателя и журналиста Джона Миддлтона Мерри, польского поэта и эссеиста Чеслава Милоша, британского поэта Дэвида Гаскойна.

Как отмечал Бенжамен Фондан, наиболее «правовой» из его последователей, русский мыслитель никогда не искал учеников, ведь они, полагал Шестов, заставляют учителя говорить то, что хочется слышать им самим, вынуждают его играть роль мудреца-пророка, требуют, чтобы жизнь учителя стала постоянной проповедью. Ученики думают, что учителя дадут им готовые ответы, но это не так. Шестов считал, что философ не может хотеть и не должен быть учителем. Убеждать людей в какой-либо истине бессмысленно, поскольку каждый человек должен выработать свое собственное суждение. По мнению мыслителя, истин столько, сколько людей, каждый человек должен быть творцом своих истин, жить на свой страх и риск, делать выводы на основе собственного опыта. Тех же, кто живет по чужой указке, «следует всячески клеймить и порицать. В них говорит лень и трусость»¹¹; мужество и дерзновение являются единственными предпосылками мышления, которое должно оставаться свободным, «адогматическим». Для философа опаснее всего то, что из его мысли сделают выводы, которые она якобы предполагает. Ученики чаще всего забывают мысль учителя и начинают следовать выводам.

Шестов борется с разумом, но при этом находится у него в плену, используя рациональную аргументацию и средства умозрительной философии. Решение этого парадокса связано с тем, как Шестов определяет задачи своей философии. Он пишет: «Вы спрашиваете, зачем же тогда руководить, зачем писать книги?.. Задача духовного руководства состоит лишь в том, чтобы помочь ближнему освободиться от обычной, ставшей как бы второй человеческой природой мудрости. Здесь еще человек может быть нужен и полезен

⁹ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1990. С. 222–318.

¹⁰ Бонфуа И. Упрямство Шестова // Бонфуа И. Невероятное. Избранные эссе. М., 1998. С. 199–214.

¹¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М., 2004. С. 201.

человеку. Тот, кто узнал тщету человеческой мудрости, тщету готовых путей к истине, – может в трудную минуту поддержать и утешить начинающего»¹². Таким образом, философия имеет «пропедевтическое значение, она может подготовить человека к возможным пограничным ситуациям, к катастрофе, научить мужеству и жизни в одиночестве, в неизвестности. Она полезна лишь для “начинающих”. В самой пограничной ситуации...любая философия, в том числе и экзистенциальная, не нужна»¹³. Каждый должен открыть свои необщеобязательные, но по-настоящему подлинные истины. Люди, считает Шестов, спят наяву и бодрствуют во сне. Свою задачу мыслитель видит в пробуждении от сна, в призыве к бодрствованию, поэтому его философия должна «тормозить, щипать, бить, щекотать...»¹⁴ человека, чтобы привести его в чувство, в сознание, в реальность. Философия оказывается в конечном итоге «великой и последней борьбой за первозданную свободу»¹⁵, т. е. борьбой за реальность верующего сознания, непопороченную знанием.

История философии демонстрирует, что в философии не может быть истины и заблуждений, поскольку они существуют лишь для тех, над кем есть высшая власть, закон, норма. Философы же сами создают нормы и законы, они обладают суверенными правами – таким образом, история философии учит нас свободе от убеждений. Однако, утверждает Шестов, величайшие мыслители Античности, подпав под власть разума, «в погоне за знанием утратили драгоценнейший дар Творца – свободу»¹⁶. Исходя из убеждения в том, что «истине дана власть нудить, принуждать людей»¹⁷ и заставлять «радостно покоряться ничего не слышащей, ко всему безразличной необходимости»¹⁸, философы оказались «скованными» добытыми ими, их собственными истинами. При этом необходимость подменила собой истинную человеческую реальность: она «не есть действительно существующее, она лишь для того, кто грезит»¹⁹, находясь в плену у разума. Почему же истина властвует над Парменидом, а не Парменид над истиной, недоумевает Шестов.

В истории философии, считает Шестов, бессмысленно говорить о прогрессе, нелепо утверждать, что она свидетельствует о том, что человечество и философия, преодолевая свои заблуждения, движутся к истине. Как отмечает Шестов, не только историко-философский процесс, но и мировоззрение каждого отдельного мыслителя содержит в себе противоречия, и историки философии знают об этом. Как в мировоззрении одного философа, так и среди философов нет и не может быть единства.

Шестов замечает, что философы не понимают друг друга: «Аристотель органически не мог понять Платона, так же как Платон не мог бы понять Аристотеля, как они оба не могли понять скептиков и софистов, как Лейбниц не мог понять Спинозу, Шопенгауэр – Гегеля...»²⁰. На самом деле, философов интересуют лишь их собственные индивидуальные представления. Единство, соответствие, когерентность своих воззрений с идеями других мыслителей их не занимает, они вверяют себя полностью добытой

¹² Шестов Л. *Sola fide* – только верую. Париж, 1966. С. 285–286.

¹³ Кувакин В.А. Мыслители России. Избранные лекции по истории русской философии. М., 2006. С. 459.

¹⁴ Шестов Л. Великие кануны. М., 2007. С. 35.

¹⁵ Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Шестов Л. Великие кануны. С. 57.

ими истине и не заботятся о ее признании другими. Историко-философский процесс и не должен быть единообразным, однонаправленным, он представляет собой «цветущую сложность» (выражение К.Н. Леонтьева), максимальное разнообразие.

Шестова называют «философом библейского откровения»²¹; Библия для Шестова – это «философия, и самая великая»²², самая первая «критика разума»; Библия полна противоречий, она «несравненно чудесна»²³, ей присущи «ни с чем не сообразная парадоксальность»²⁴, и даже «чудовищная нелепость»²⁵ и «иммориализм»²⁶. В Библии содержится истина, которая идет вразрез со всеми навыками нашего мышления, она не требует никаких доказательств и не принимает обоснований. Закон противоречия в ней игнорируется; истина, данная в Библии, выходит за границы человеческого разума. Она – свидетельство опыта переживания единства с Богом; однако этот опыт утрачивает свою истинность, облакаясь в понятия и пропозиции. Истина, которая переживалась библейскими пророками, непередаваема вербально. Она живет вместе с пророками и вместе с ними умирает.

Шестов фактически не делает различия между Ветхим и Новым Заветами. В письме к С.Н. Булгакову он пишет: «Для меня противоположности между Ветхим и Новым Заветом всегда казались мнимыми... Знание преодолевается, откровенная истина – “Господь Бог наш есть Бог единый” – в обоих заветах возвещается эта благая весть, которая одна только и дает силы глядеть в глаза ужасам жизни»²⁷. Как отмечает Булгаков, это «неразличение есть основной и важнейший факт в его учении»²⁸ – Шестов не делает такого различия, так же как это принято в христианском богословии. При этом мыслитель принимает как Ветхий, так и Новый Завет не целиком. Он «исключает» из Ветхого Завета Книги учительные – Псалтырь и «хокмическую» письменность (т. е. письменность мудрых: Книги Притчей Соломоновых, Экклезиаста и др.), кроме Книги Иова, а также за небольшими исключениями и пророческие книги. В Новом Завете наиболее неприемлемым для него является Евангелия от Иоанна, начинающееся антиветхозаветно – «В начале было Слово», что, в понимании Шестова, означает: сперва Афины, потом Иерусалим, т. е. все, что связано с откровением, нужно взвешивать на весах Афин, на весах разума. Таким образом, Шестов проводит свою «критику» Библии, акцентируя внимание лишь на тех ее частях, которые считает не зараженными духом античной философии.

Вопрос о религиозности Шестова сложен для интерпретаторов, он требует особого рассмотрения, поскольку существует множество полемичных мнений по данной проблеме. Каждый исследователь склонен видеть в его философии нечто свое, в зависимости от собственных взглядов и склонностей.

Как пишет Шестов, люди, считающие себя христианами, исказили учение Христа. По мнению мыслителя, христианство грешит умозрением, пытается соединить Афины и Иерусалим, умозрение и откровение: «Даже

²¹ Ловицкий Г. Философ библейского откровения (К 100-летию со дня рождения Льва Шестова) // Новый журн. 1966. Кн. 85. С. 208–230.

²² Курабцев В.Л. Миры свободы и чудес Льва Шестова. М., 2005. С. 74.

²³ Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 27.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 312.

²⁷ Архив Льва Шестова библиотеки Сорбонны, MS2120/37.

²⁸ Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова. С. 318.

религия распятого Бога старается подражать метафизическим системам, и последователи этой религии, хоть и носят крест на груди, всегда забывают, что с креста Спаситель мира возопил: Господи, отчего ты меня покинул?»²⁹.

Христианство забывает о безумии, отдаваясь разуму; оно подчиняет Бога умозрению. Если Бог требует разумного и возможного – то это философский Бог, поскольку живой Бог требует лишь невозможного, а именно безоглядной веры; то возможное, которого требует Бог философов – это этика. Историческое христианство, согласуясь с разумом, «отменило» Бога и превратилось в назидание и морализаторство, вместо истины оно дало человечеству понятие о «послушании и благочестии»³⁰. По мнению Шестова, христианство в действительности оставляет нас в мире вещей, в профанном мире, не давая приблизиться к божественному.

Чтобы прояснить религиозные взгляды Шестова, необходимо понять его отношение к Иисусу Христу. В целом, «оно остается уклончивым, колеблющимся, нерешительным. Чаще всего Шестов закрывается от этого вопроса, как бы не замечая в “Св. Писании” самого Христа»³¹. По мнению Булгакова, «Христос для Шестова не воплотившийся Бог, как это говорит “Писание”, но “совершеннейший из людей”»³², гениальный человек, пророк. Таким образом, Шестов склоняется к нехристианскому пониманию статуса Христа.

По всей видимости, Шестов считает, что воскресение Иисуса Христа имело место, но воскрес он не как Бог, а как человек, который через свою веру приобщился божественному всемогуществу. Воскресение Христа, считает философ, опровергает такой принцип рационального научного мышления, как закон причинности. Шестов использует воскресение как аргумент в пользу возможности чуда, в пользу могущества Бога, попирающего законы природы и человеческого мышления.

Шестов воспитывался в иудейской традиции, однако ни в одной из своих работ он не превозносит, но и не критикует иудаизм. Он писал о «“праотцах”, невежественных, но общавшихся с Богом, о безумии древнееврейских пророков и апостолов»³³. Пророки, олицетворяющие Иерусалим, т. е. откровение и веру в живого Бога, не знают покоя; «они – воплощенная тревога»³⁴. Пророк «ищет невозможного, борется с неодолимым, не верит самоочевидностям, не покоряется даже разуму»³⁵.

В целом, иудейская национально-религиозная избирательность была чужда Шестову, как и строжайшая обрядовость иудаизма. Шестов признает существование единого Бога, т. е. главному постулату иудаизма он остается верен. Но Бог в понимании Шестова отличен от Бога Торы – бессмертного, вездесущего, вечного, всемогущего и безграничного, и, кроме того, доступного для восприятия человеческим разумом.

Оппозицию пророкам, Иерусалиму и откровению составляют философы, т. е. Афины и умозрение. Афины для Шестова – это покорность вечным и неизменным законам разума и морали, которые нельзя умолишь, к которым нельзя обратиться. Бог Афин – это философский Бог. Выбор Афин – античных философов и ученых – заключается в подчинении воли разуму, мудрость

²⁹ Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 379.

³⁰ Там же. С. 151.

³¹ Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова. С. 318.

³² Там же. С. 318.

³³ Курабцев В.Л. Миры свободы и чудес Льва Шестова. С. 72.

³⁴ Шестов Л. Умозрение и откровение. Париж, 1964. С. 45.

³⁵ Там же. С. 45.

пророков Иерусалима – в дерзновенной борьбе за чаемое и бесконечную веру в его осуществление. Компромисс веры и разума, полагает Шестов, невозможен: Афины «никогда не договорятся» с Иерусалимом.

Бог представляется Шестову средоточием суверенности и свободы, при этом он указывает на несовершенство Бога. Он утверждает, что Бог не всеблаг, не всезнающ – Он «любит, и хочет, и волнуется, и раскаивается, и спорит с человеком, и даже иной раз уступает человеку в споре»³⁶ (как это было в случае с Иовом). Бог нас обманывает, являясь источником человеческих заблуждений и скрывая от нас тайны мира, Он непостоянен («Бога нет постоянно. Он . . . является и исчезает. Нельзя даже про Бога сказать, что он часто бывает. Наоборот, обыкновенно, по большей части его не бывает»³⁷), капризен и ревнив. Бог «не знает ни должного, ни необходимого»³⁸, Он свободен от всех ограничений и не нуждается ни в почве, ни в опоре, как и человек, «пробудившийся к самому себе»³⁹. Разум, приписывая Ему предикаты, подчиняя Его этическим принципам, стремится спасти человека от «несдержанного и беспорядочного произвола»⁴⁰ Бога и Его всевластия – т. е. руководствуется человеческими целями и интересами. Шестов восклицает: «Отдать себя в руки живого Бога – страшно, а покориться безличной необходимости, неведь каким способом внедрившейся в бытие, – не страшно, а радостно и успокоительно!»⁴¹. Однако тем самым разум убивает живого Бога и порождает каменного истукана – бога философов, слепого и глухого, не видящего человеческих страданий, не слышащего молитв.

Для живого Бога, утверждает Шестов, «нет невозможного»⁴², как нет ничего вечного и неизменного. Бог не подвластен никаким законам, Он может помочь человеку переступить через истину, через добро и через последнее ограничение – законы материального мира, – и сделать бывшее небывшим: «Он, этот Всемогущий Творец, стоит не только по ту сторону добра и зла, но по ту сторону истины и лжи. Перед Его лицом (*facies in faciem*) и зло, и ложь сами собой перестают существовать, превращаются в ничто, которого не только в настоящем, но и в прошлом никогда не было, вопреки всем свидетельствам человеческой памяти»⁴³.

Шестов, цитируя слова Сёрена Кьеркегора⁴⁴, говорит, что вся жизнь есть повторение: «повторение – сама действительность; повторение – смысл существования»⁴⁵. Повторение означает: то, что существовало прежде, наста-

³⁶ Шестов Л. На весах Иова. М., 2009. С. 18.

³⁷ Шестов Л. *Potestas clavium* (Власть ключей). М., 2007. С. 9.

³⁸ Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 253.

³⁹ Там же. С. 253.

⁴⁰ Там же. С. 259.

⁴¹ Там же. С. 13.

⁴² Там же. С. 27.

⁴³ Там же. С. 176.

⁴⁴ При этом шестовская интерпретация категории повторения отличается от понимания ее датским мыслителем. Как указывает Дж.М. МакЛаклан (*McLachlan J.M. Shestov's Reading and Misreading of Kierkegaard // Canadian Slavonic Papers // Revue Canadienne des Slavistes. 1986. Vol. 28. № 2. P. 174–186*), повторение для Кьеркегора есть явление психологическое, для Шестова – реальное, происходящее в физическом мире. Для Кьеркегора повторение в случае с Иовом заключается не в том, что ему возвращается все утраченное – его дети, имущество, стада, здоровье, а в том, что после переживания отчаяния его душевные раны затягиваются, и он психологически возвращается к прежнему состоянию. В этом смысле Кьеркегор оказывается ближе к размышлениям Гегеля: «Раскаяние, покаяние имеют тот смысл, что благодаря возвышению человека к истине преступление осознается как в себе и для себя преодоленное, не имеющее само по себе силы. Такое превращение бывшего в небывшее возможно не в чувственной, а в духовной, внутренней форме» (Цит. по: Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 91).

⁴⁵ Кьеркегор С. Повторение. М., 1997. С. 10.

нет вновь. Шестов постоянно возвращается к трем библейским сюжетам, которые играют значимую роль в его философии: мифу о грехопадении и эпизодам, связанные с образами Авраама и Иова.

Все три сюжета объединяет то, что в них человек испытывается Богом. В мифе о грехопадении человек поддается искушению, в отличие от двух других библейских историй. Но более значимо то, что в каждом из них присутствует категория повторения.

Ключевым сюжетом в философии Шестова является библейское сказание о грехопадении, оно является основополагающим для его гносеологии, этики и антропологии. Первородный грех, считает Шестов, заключается в «знании о том, что то, что есть, есть по необходимости»⁴⁶. Причем шестовское толкование этого сюжета отличается от христианского. В плодах с древа познания, по его мнению, изначально был заключен смертельный яд – разум, который устанавливает нормы и законы, главный из которых – это смерть («в познании скрыта смерть»⁴⁷).

Разум, согласно Шестову, является огненным мечом, который преграждает человеку путь в Эдем. Он оказывается человеческой способностью, отделяющей человека от Бога, заставляющей его усомниться в божественном всемогуществе, поставить под вопрос веру. Отсутствие веры, по мысли философа, – основополагающий и единственный грех человека. Вместе с верой человек теряет и драгоценный дар Бога – абсолютную свободу, поскольку изначально человек был приобщен к божественному всемогуществу, и для него не было ничего невозможного. Единственный выход – оставить все рациональные расчеты, идти не оглядываясь; оглядка – это разум и смерть. Когда человек оглядывается, он, как от взгляда Медузы, превращается в «одаренный сознанием камень»⁴⁸.

Возвращение в райское состояние – то, чего ищет Шестов: «Бывшее становится небывшим, человек возвращается в состояние невинности и той божественной свободы, свободы к добру, перед которой меркнет и гаснет наша свобода выбора между добром и злом или, точнее, перед которой наша свобода обнаруживается как жалкое и позорное рабство. Первородный грех... с корнем вырывается из бытия»⁴⁹.

Что касается фигуры Авраама, во имя Бога решившегося на заклание своего сына, с которым он связывал свои надежды, то повторение раскрывается здесь как вера Авраама в то, что «Бог может дать Аврааму нового сына, что Бог может воскресить Исаака...»⁵⁰. Авраам, действуя вопреки этике и исполняя веление Бога, верил в то, что он обретет сына вторично на земле. Авраам становится для Шестова «отцом веры» в живого Бога.

Иову, в связи с которым и возникает проблема повторения, Бог в действительности возвращает все утраченное – погибших детей, утраченное здоровье и богатство. Как отмечали многие исследователи, Шестов понимает книгу Иова по-своему: Бог сделал все страдания Иова не бывшими, не существовавшими. В то время как принято считать, что у него вновь родились дети, он нашёл другое имущество. Таким образом, категория повторения, «вечного возвращения» является для Шестова символом всемогущества Бога, который способен ради верующего отменить существовавшее прежде.

⁴⁶ Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 27.

⁴⁷ Там же. С. 241.

⁴⁸ Там же. С. 57.

⁴⁹ Там же. С. 27.

⁵⁰ Там же. С. 195.

Шестов полагает, что вера и непосредственные отношения между Богом и человеком «есть конец человеческой трагедии, конец борьбы, конец страданиям, наступление неограниченных возможностей и райской жизни»⁵¹. Вера оказывается «непостижимой творческой силой»⁵², преображающей бытие; она влечет нас в пространство невозможного, в пространство произвола, то есть соединяет человека с Богом. Она не имеет ничего общего с покорностью и повиновением, поскольку через веру человек все приобретает. Вера «излучает из себя последние, решающие истины о существующем и несуществующем»⁵³, т. е. «сотворенные истины»⁵⁴, которые «свободно даются, свободно принимаются, ни пред кем не отчитываются, никем не регистрируются, никого не пугают и сами никого не боятся»⁵⁵. Существование вечных истин («застывших, окаменевших, омертвевших и мертвяхих»⁵⁶), не зависящих от воли Бога, иллюзорно, им человек подчиняется из-за чувства страха и тревоги, а также нежелания бороться; есть только истина сотворенная, считает Шестов, т. е. истина веры и откровения, над «которой Творец является господином и которая служит, должна служить ему, находится у него на посылках»⁵⁷. Вся книга Шестова проникнута и одушевлена одной единственной задачей: «страхнуть с себя власть бездушных и ко всему безразличных истин, в которые превратились плоды с запретного дерева»⁵⁸.

Бог Шестова так же иррационален, как и глубины человеческой души. По мнению некоторых исследователей (в их числе А.К. Закржевский), Шестов в итоге приходит к выводу, что «Бога нет, что существует только бесконечное, страшное стремление к его отысканию и что человек может создать себе Бога, если уже на то пошло»⁵⁹. Иногда кажется, что Бог для Шестова умер, так же как для Ницше, и уже ничто не может воскресить Его; все, что остается человеку – самому стать Богом. Вероятно, поэтому все качества, приписываемые Шестовым беспочвенному человеку, распространяются им на Бога, то есть Бог оказывается отражением человека.

В целом, Бог для Шестова – это символ сил самого человека; приобщаясь к божественному всемогуществу, человек раскрывает себя и постигает невозможное. Бог – это хаос, бесосновность, каприз, Он – олицетворение шанса, который предоставляется человеку. Человек, отказавшийся от разума и этики, открывший в себе безумие и абсурд, выдерживающий испытание отчаянием, трагедией, безысходностью, сам оказывается той силой, которая выбирает из океана возможностей те, которые будут осуществлены: для Бога все возможно, и это значит, что все возможно для человека, отбросившего разум и живущего в непосредственной связи с Богом.

Шестов оставляет нерешенными множество вопросов. Райское состояние, состояние свободы существует только для моего «я»? Значит, бытие и Другие так и останутся во грехе? Шестов ничего не говорит о дальнейшем существовании человека, преодолевшем смерть силою Бога, как и о том, что станет с миром.

⁵¹ Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 401.

⁵² Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 292.

⁵³ Там же. С. 27.

⁵⁴ Там же. С. 251.

⁵⁵ Там же. С. 395.

⁵⁶ Там же. С. 317.

⁵⁷ Там же. С. 307.

⁵⁸ Там же. С. 24.

⁵⁹ Закржевский А.К. Подполье. Психологические параллели. Киев, 1911. С. 61.

Так формулирует вопросы, оставшиеся у Шестова непроясненными, Бердяев: «Является ли конечным существование конкретного существа? Отрицает ли Л. Шестов лишь вечные истины разума и морали или отрицает также вечную жизнь?.. Как быть с бесконечными стремлениями человека? На что можно надеяться?.. Какой смысл имеют шестовские призывы к Богу, которому все возможно, который может избавить Киркегора от мучений, если Бог не дает воскресения к вечной жизни?»⁶⁰

В работе «На весах Иова» мы находим загадочное рассуждение Шестова о конце истории, согласно которому на Страшном суде решается вопрос о свободе воли, бессмертии души, а также бытии Бога: «И Бог ждет, как каждая живая человеческая душа, последнего приговора»⁶¹. Кто выносит приговор? Видимо, последнее решение остается для Шестова не за Богом, но за человеком, и именно человек, его выбор, определит, что победит – жизнь или смерть, реальное или идеальное. «Человек, – считает Шестов, – должен быть мерой всех вещей»⁶², как человеческих, так и божественных, и в этом – «высшая цель»⁶³ и новая заповедь.

Для мировоззрения Шестова характерен радикальный оптимизм, утверждающий, что все человеческие мольбы будут услышаны, а чаяния исполнены. Его философия «человечна», она обращена к единичному индивидуальному существованию и отражает состояние души человека. Правда для Шестова всегда оказывается на стороне человека; его желания и стремления перевешивают чашу весов. Мыслитель призывал к свободе и критичности мышления, говорил о необходимости отказа от любых авторитетов, ведь человек – это неограниченная возможность, открытость миру и Богу. Для философии Шестова характерна бесконечная вера в человека. Философ отстаивает его права и свободы перед необходимостью – природной или социальной.

Список литературы

- Архив Льва Шестова библиотеки Сорбонны. MS 2117/176.
 Архив Льва Шестова библиотеки Сорбонны. MS 2120/37.
 Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Р.: La Presse Libre, 1983.
 Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 398–406.
 Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 407–413.
 Бонфуа И. Упрямство Шестова // Бонфуа И. Невероятное. Избранные эссе / Пер. с фр. М. Гринберга и Б. Дубина. М.: Carte Blanche, 1998. С. 199–214.
 Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Современ. зап. 1939. № LXVIII. С. 305–323.
 Закржевский А.К. Подполье. Психологические параллели. Киев: Изд. журн. «Искусство и печатное дело», 1911. 108 с.
 Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. с фр. А.М. Руткевича // Сумерки богов / Под ред. А.А. Яковлева. М., 1990. С. 222–318.
 Кувакин В.А. Мыслители России. Избранные лекции по истории русской философии. М.: Рос. гуманист. о-во, 2006. 488 с.
 Курабцев В.Л. Миры свободы и чудес Льва Шестова. М.: Рос. гуманист. о-во, 2005. 310 с.
 Кьеркегор С. Повторение / Пер. с дат. П.Г. Ганзена. М.: Лабиринт, 1997. 160 с.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор. С. 405–406.

⁶¹ Шестов Л. На весах Иова. С. 242.

⁶² Там же. С. 250.

⁶³ Там же.

- Ловцкий Г. Философ библейского откровения (К 100-летию со дня рождения Льва Шестова) // Новый журн. 1966. Кн. 85. С. 207–230.
- Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма. СПб.: Наука, 2011. 610 с.
- Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей). М.: АСТ, 2007. 352 с.
- Шестов Л. Sola fide – только верую. Париж: YMCA-Press, 1966. 293 с.
- Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004. 224 с.
- Шестов Л. Афины и Иерусалим. М.: АСТ, 2007. 416 с.
- Шестов Л. Великие кануны. М.: АСТ, 2007. 256 с.
- Шестов Л. На весах Иова. М.: Эксмо, 2009. 560 с.
- Шестов Л. Умозрение и откровение. Париж: YMCA-Press, 1964. 349 с.
- Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж: Синтаксис, 1991. 288 с.
- McLachlan J.M. Shestov's Reading and Misreading of Kierkegaard // Canadian Slavonic Papers // Revue Canadienne des Slavistes. 1986. Vol. 28. № 2. P. 174–186.
- Piron G. Léon Chestov, philosophe du déracinement. Lausanne: L'Age d'Homme, 2010. 460 p.

‘Eternal truths’ and the freedom from reason. Some traits of Lev Shestov’s philosophy as seen in his “Athens and Jerusalem”

Ksenia Vorozhikhina

Ph.D. in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Volkhonka Str. 14/5, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

This is a study of *Athens and Jerusalem*, an important book by Russian existentialist philosopher Lev Shestov. A closer look at this work allows to reveal and examine the specific features of Shestov’s philosophical thinking, such as his usage of binary oppositions, a tendency toward self-analysis, his preference of the indirect form in exposing his thoughts, his rejection of any claim to originality, the prevailing optimism, humanism, etc. All this is combined with seeming simplicity, scarcity of special philosophic terms, a style rich in aphorisms and irony, a manner which can be called ‘incantational’ in the sense that the author intentionally repeats many times the same words and phrases, the apparent lack of system, imprecise quotations, and so on. Such is the textual background for Shestov’s major ideas which include the ‘critique of reason’, the opposition between reason and life, between rational thinking and freedom, between speculation and faith, as well as the philosophical method of ‘peregrination across the souls’. *Athens and Jerusalem* is essential when inquiring into the problem of the nature of Shestov’s religiosity and his attitude to Christ and the Bible, his interpretation of the original sin and his understanding of the figures of Job and Abraham, and, more generally, his view of God and man.

Keywords: faith and reason, Lev Shestov, emigration, existentialism, Job, Abraham, original sin, religious philosophy, groundlessness

References

- Baranova-Shestova, N. *Zhizn' L'va Shestova* [Lev Shestov’s Life], 2 vols. Paris: La Presse Libre, 1983. (In Russian)
- Berdyayev, N. “Lev Shestov i Kirkegor” [Lev Shestov and Kierkegaard], in: N. Berdyayev, *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. 3. Paris: YMCA-Press, 1989, pp. 398–406. (In Russian)
- Berdyayev, N. “Osnovnaya ideya filosofii L'va Shestova” [The Main Idea of Lev Shestov’s Philosophy], in: N. Berdyayev, *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. 3. Paris: YMCA-Press, 1989, pp. 407–413. (In Russian)

Bonnefoy, Y. “Upryamstvo Shestova” [Shestov’s Obstinateness], in: Y. Bonnefoy, *Neveroyatnoe* [Improbable], trans. by M. Grinberg & B. Dubin. Moscow: Carte Blanche Publ., 1998, pp. 199–214. (In Russian)

Bulgakov, S. “Nekotorye cherty religioznogo mirovozzreniya L.I. Shestova” [Some Features of Lev Shestov’s Religious Worldview], *Sovremennyye zapiski*, 1939, no 68, pp. 305–323. (In Russian)

Camus, A. “Mif o Sizife. Esse ob absurde” [The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd], trans. by A. Rutkevich, *Sumerki bogov* [The Twilight of the Gods], ed. by A. Yakovlev. Moscow: Politizdat Publ., 1990, pp. 222–318. (In Russian)

Kierkegaard, S. *Povtorenie* [Repetition], trans. by P. Ganzen. Moscow: Labirint Publ., 1997. 160 pp. (In Russian)

Kurabtsev, V. *Miry svobody i chudes L’va Shestova* [Lev Shestov’s Worlds of Freedom and Wonders]. Moscow: Rossiiskoe gumanisticheskoe obshchestvo Publ., 2005. 310 pp. (In Russian)

Kuvakin, V. *Mysliteli Rossii. Izbrannyye leksii po istorii russkoi filosofii* [Russian Thinkers. Selected Lectures on the History of Russian Philosophy]. Moscow: Rossiiskoe gumanisticheskoe obshchestvo Publ., 2006. 488 pp. (In Russian)

Lev Shestov’s Archive of Library of Sorbonne, MS2117/176. (In Russian)

Lev Shestov’s Archive of Library of Sorbonne, MS2120/37. (In Russian)

Lovtskii, G. “Filosof bibleiskogo otkroveniia (K 100-letiyu so dnya rozhdeniia L’va Shestova)” [Philosopher of the Biblical Revelation (100 Anniversary of the Birth of Lev Shestov)], *Novyi zhurnal*, 1966, vol. 85, pp. 305–323. (In Russian)

McLachlan, J.M. “Shestov’s Reading and Misreading of Kierkegaard”, *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 1986, vol. 28, no 2, pp. 174–186.

Piron, G. *Léon Chestov, philosophe du déracinement*. Lausanne: L’Age d’Homme, 2010. 460 pp.

Remizov, A. *Kukkha. Rozanovy pis’ma* [Kukkha. Rozanov’s letters]. St.Petersburg: Nauka Publ., 2011. 610 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Afiny i Ierusalim* [Athens and Jerusalem]. Moscow: AST Publ., 2007. 416 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Apofoez bespochvennosti* [Apotheosis of Groundlessness]. Moscow: AST Publ., 2004. 224 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Na vesakh Iova* [In Job’s Balances]. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 560 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Potestas clavium (Vlast’ klyuchei)* [Potestas clavium (The Power of the Keys)]. Moscow: AST Publ., 2007. 352 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Sola fide – tol’ko veroyu* [Sola fide – Faith alone]. Paris: YMCA-Press, 1966. 293 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Umozrenie i otkrovenie* [Speculation and Revelation]. Paris: YMCA-Press, 1964. 349 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Velikie kanuny* [Great Vigils]. Moscow: AST Publ., 2007. 256 pp. (In Russian)

Shteinberg, A. *Druz’ya moikh rannikh let (1911–1928)* [Friends of My Early Years (1911–1928)]. Paris: Sintaksis Publ., 1991. 288 pp. (In Russian)

Zakrzhevskii, A. *Podpol’e. Psikhologicheskie paralleli*. [Underground. The Psychological Parallels]. Kiev: Iskusstvo i pechatnoe delo Publ., 1911. 108 pp. (In Russian)